

С тех пор Мин Чжао стала заходить часто.

Иногда она приходила после полудня, когда солнце стояло высоко. Толкнув дверь, она приносила с собой целое охапку теплого света. Покрутившись у полок с товаром, она выбирала печать из цитяньского камня или роговой гребень, почти ничего не говорила, расплачивалась и уходила.

Иногда она заглядывалась к вечеру, когда небо еще не до конца погружалось во тьму. Она садилась у того стула из палисандра у окна и сама наливала себе чашку чая. Что бы ни заваривал У Се, она пила всё без капризов. Если попадался чай чжэньшань сяочжун, она прищуривала глаза, точь-в-точь как кошка, которой погладили шерстку.

Стоило ей открыть рот, как ее уже нельзя было остановить. Она рассказывала о бесконечных дождях в Хэндяне, о толстом коте реквизитора, который вечно воровал у нее вкусняшки, и о той легкой тревоге на душе, когда никак не удавалось выучить роль. У Се в основном слушал, перебирая в руках недоделанную нефтяную заготовку, и лишь изредка поднимал глаза, со словами «мгм» выражая свое согласие. Ему казалось, что эта девушка совсем не вяжется с тем смутным образом на экране: здесь она была куда более настоящей — когда злилась, то надувала щеки, а когда радовалась, ее глаза превращались в полумесяцы.

В тот день, неизвестно почему, зашла речь о еде. Она нахмурилась, словно жалуясь и одновременно капризная:

— Эта коробочная еда на съемочной площадке — просто ужас. Особенно эта редька, тушенющаяся большими кусками, разваренная, с этим отвратительным сырым душком.

Пока она говорила, У Се как раз заливал воду в чайник, и вода журчала. Он не стал отвечать, лишь глядя на старое дерево софоры за окном, словно размышляя о чем-то своем.

Спустя два-три дня она пришла уже в сумерках. В лавке витал теплый аромат сдобного теста. У Се как раз выходил из задней кухни, неся в руках белый фарфоровый поднос, на котором горкой летели подрумяненные лепешки.

— Как раз вовремя, лепешки с редькой только со сковороды, — он поставил поднос и вытер руки полотенцем.

Мин Чжао приблизилась, чтобы рассмотреть их: лепешки выглядели круглыми и аппетитными, корочка слоилась, поблескивая от масла. Она осторожно взяла одну, обжигаясь и перекидывая с руки на руку, подула на нее и лишь тогда откусила маленький кусочек. Хрустящая корочка осыпалась крошками, а начинка из тончайшей, словно волосок, редьки, перемешанной с сушеными креветками и мелко нарезанным зеленым луком, оказалась нежной, сладковатой и мягкой — в ней не осталось и следа той ненавистной сырости.

— Ой, как вкусно! — в ее глазах засиял свет, и она в один присест умяла лепешку целиком. —

Хозяин У, у вас еще и такой талант есть?

— Раньше домашние старшие часто готовили, вот и научился, просто глядя, — улыбнулся У Се и, присев рядом, налил себе чаю. — Это дело хлопотное, так что делаю только когда выдается свободная минутка.

Мин Чжао взяла еще одну лепешку, но на этот раз ела медленнее, вдумчиво смакуя аромат сдобного теста в сочетании с редькой. То, как она ела, было очень приятно видеть — сосредоточенно, с неким трепетным уважением к еде. У Се наблюдал за ней со стороны и находил это куда более привлекательным, чем те изысканно снятые рекламные ролики.

Осенью Мин Чжао должна была уехать на съемки на север, месяца на два-три. Перед отъездом она заглянула в Ушаньцзюй и оставила горшок с бамбуком бэньчжу.

— Поухаживайте за ним пока, не прощаюсь.

Бамбук выглядел изящно, а его густые листочки походили на зеленое облако.

У Се поставил его на подоконник в дальней комнате и поливал каждый день. Он делал всё аккуратно, и бамбук не только не погиб, но и выпустил несколько новых побегов.

Мин Чжао изредка присылала сообщения — в основном с пейзажами севера или котами со съемочной площадки. У Се отвечал лаконично: «У бамбука выросли новые листья» или «Сегодня в Ханчжоу сильный ветер».

После двадцать третьего числа двенадцатой луны дух Нового года, словно пропитавшаяся водой рисовая бумага, стал постепенно расползаться повсюду. В Ханчжоу закружился редкий снег, оседая тонким слоем на ветвях старой софоры у Ушаньцзюя.

Мин Чжо куталась в серебристо-серый пуховик, опушка капюшона обрамляла ее лицо, делая его совсем крошечным, с ладошку. Она только что вернулась с севера, кончик ее носа все еще хранил следы легкого мороза, и с каждым вдохом в дверях она выдыхала облачко белого пара.

<http://bllate.org/book/20906/2113470>